

УДК 316

Социокультурные основания скулишутинга: очерк проблемного поля**Шангин Н.В.**

Кандидат социологических наук, доцент, и.о. заведующего кафедры философии, социологии и психологии управления Нижегородского института управления – филиала РАНХиГС, доцент кафедры социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Солдаткин А.Е.

Кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Теодорович М.Л.

Доктор социологических наук, заведующий кафедрой социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Патоккина Н.Н.

Кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

В статье приводится обзор широкого спектра существующих подходов к проблеме скулишутинга, ставится цель подойти к проблеме с более широких социологических позиций, учитывающих социокультурный и поселенческий контексты. Обосновывается необходимость рассмотрения скулишутинга в контексте особенностей социокультурной организации среды обитания подростков. Скулишутинг воспринимается нами как территориально обусловленное явление и, в связи с этим, как фактор риска, требующий серьезного внимания в контексте процессов развития территории.

Ключевые слова: скулишутинг, причины скулишутинга, психологические и социальные основания скулишутинга, социальная и пространственная среда обитания подростков

Актуальность исследования скулшутинга как социального феномена возрастает в связи с учащающимися случаями подготовки, а также успешной реализации данных действий. Данная проблема носит международный характер, однако российская ситуация создает свою специфику: сочетание во времени и пространстве общих факторов и механизмов формирования такого поведения у молодежи, находящейся на этапах процесса социализации, и продолжающихся процессов общественной трансформации в территориально обусловленном их многообразии. Одним из аспектов этой трансформации является переход от ценностей коллективизма к индивидуалистическим ценностям, которые обеспечивают более интенсивное развитие общества, но связаны с принципиально иной ролью конкуренции между индивидами.

Эта конкуренция предполагает агрессию, но введенную в конструктивные рамки. В то же время, моральные критерии и правила конкуренции в российском обществе еще не оформились окончательно, а современная установка на успех и известность (которая может истолковываться именно как успех) при размытости критериев оценки средств их достижения создает дополнительные стимулы для появления новых, условно инновативных способов ее реализации. Достижение успеха в плане известности возможно различными способами, и в их числе – крайние, лежащие за пределами естественных и морально-этических ограничений и табу, такие, как скулшутинг.

Действия скулшутеров широко освещаются в СМИ, им посвящены тематические паблики, формируется культ почитателей. Кроме этого, такая известность становится связанной с достижением власти как в краткосрочной перспективе (власть над жертвами), так и в потенциально воображаемой нападающими среднесрочной (оставить по себе «память», «чтобы помнили»). При рассмотрении посредством этой оптики скулшутинг оказывается не только одним из способов реализации желания отомстить кому-то, но и возможностью «прославиться», добиться успеха.

Таким образом, скулшутинг предстаёт объектом рассмотрения и анализа не только с позиций психологии, психиатрии, медицины и иных наук, которые рассматривают в качестве причин индивидуальные особенности индивида, но и с позиций наук социальных, которые позволяют «погрузить» и проанализировать данные действия в социальных и культурных контекстах, выявить не индивидуальные, а общие основания, тем самым открывая путь и возможности для превенции уже рисков появления новых стрелков на уровне отраслевых и территориально ориентированных политик, программ и проектов.

Закономерно, что феномен скулшутинга привлекает к себе все большее внимание среди российских

исследователей. Можно выделить следующие дискурсы, в рамках которых рассматриваются действия скулшутеров: медико-психиатрический, психологический, юридическо-криминалистический, культурологический и социологический. Для каждого дискурса характерна фокусировка на своих специфических причинах и факторах, которые, по мнению исследователей, влияют на совершение данного действия.

Так, медико-психиатрический дискурс акцентирует внимание на индивидуальных биологических и физиологических особенностях индивидов, наличии у них тех или иных заболеваний, которые в конечном итоге приводят к трагедии; некоторые исследователи обращают внимание на то, что у этого дискурса имеются предпосылки для развития [1, с. 89].

Психологический дискурс примыкает к медико-психиатрическому, но акцентирует внимание на собственно психологических особенностях индивида, а также его взаимоотношениях с окружением. В рамках данного дискурса рассматриваются также модели вовлечения индивидов в специализированные сообщества с помощью манипуляций и иными неявными способами. В основе такой модели лежит представление об индивиде как достаточно легко внушаемом акторе, с которым работают профессиональные манипуляторы. В итоге, благодаря использованию психологических приемов, воздействию на индивида, происходит вовлечение и подготовка его к скулшутингу. Другой объяснительной моделью, которая также строится на внушаемости индивида, можно отнести предположения о влиянии видеоигр (критический разбор такого дискурса [см.: 2]). Как можно заметить, в данном дискурсе соседствуют модели, которые строятся на психологии индивида, и модели, которые строятся на социальной психологии. Тем не менее, их объединяет то, что в основе лежит представление о специфическом психологическом типе, наиболее подверженном риску совершения данных действий. Вместе с тем, некоторые исследователи обращают внимание на то, что выделение единого типа невозможно и что некоторые скулшутеры демонстрирует принципиально иные психологические характеристики. Основным психологическим феноменом при объяснении становится агрессия, которая разделяется на ауто- и гетероагрессию. Если рассмотреть изначальную объяснительную модель, то основное внимание фокусируется на аутоагрессии. Одновременно зарубежные исследователи акцентируют внимание на том, что среди школьных стрелков достаточно большое количество лиц, демонстрирующих признаки преобладания гетероагрессии [3, с. 39]. Это закономерно подводит к следующему этапу – выделению психологических типов или профилей скулшутеров. В этом отношении показательна работа П. Лангмана «Почему дети убивают. Что происходит в голове у

школьного стрелка» [4], написанная в 2009 г. и выпущенная на русском в 2022 г. В ней автор выделяет три типа акторов, не сводимых друг к другу. Во многом благодаря тому, что автор является клиническим психологом, он объединяет наработки как медико-психиатрического, так и психологического дискурса. Таким образом, на уровне изучения личности школьного стрелка происходит усложнение дискурса, появление и детализация классификаций. В то же время можно отметить, что на уровне изучения взаимодействий значительных прорывов не происходит.

Юридическо-криминалистический дискурс рассматривает скулшутинг как противоправное явление и в связи с этим основной акцент здесь делается на конкретизации определений, а также выявлении признаков, которые позволяют осуществлять меры по профилактике, и мерах контроля. Важным здесь представляется то, что в рамках данного подхода принимаются во внимание не только феномены микросреды, которые стоят в центре внимания в рамках рассмотренных выше дискурсов, но и факторы макросреды [5, с. 16]. При анализе поведения принимаются также во внимание различные аспекты деятельности, такие как манипулирование телом жертвы и т.п. [6, с. 210]. Разделение понятий, выявление специфических признаков не только носит кодификационный смысл, но и позволяет выявить особенности, которые могут не вписываться в картину преступления, за счет чего выводятся на другие версии произошедшего [6, с. 213]. В то же время данный дискурс, ввиду его прикладной направленности, хотя и принимает во внимание большее количество факторов, но основное внимание фокусирует на тех из них, которые, по мнению авторов, непосредственно оказывают влияние. В связи с этим многие аспекты, включенные в поле зрения исследователей и значимые для понимания природы явления и конструирования мер профилактики, рассматриваются отчасти в фоновом режиме, оставаясь за пределами содержательного анализа.

Культурологический дискурс акцентирует внимание на изучении образцов культуры, которыми вдохновляются стрелки. За этим стоит представление о том, что в культуре заложен механизм подражания, благодаря которым индивиды могут копировать действия не только реальных людей, с которыми они взаимодействуют, но и выдуманных персонажей – героев книг, фильмов, игр или музыкальных композиций [7]. Несмотря на то, что данный подход не лишен оснований, тем не менее, сам по себе он не объясняет того, почему из всех потребителей тех или иных культурных продуктов лишь единицы воспринимая пережитое как руководство к действию. Такой дискурс также и поддерживается, и критикуется СМИ, в итоге привлечение дополнительного внимания к проблеме повышает известность героев и способствует большему интересу, большему охва-

ту аудитории, а значит, в этой логике, еще большому количеству подражателей. Таким образом, культурологический дискурс носит в большей степени описательный характер, чем аналитический.

Социологический дискурс использует элементы всех предыдущих, но основной акцент делает на составлении социального портрета стрелка и его социальных связях. В этой логике подразумевается, что в рамках социальной среды индивид обретает определенные установки, которые впоследствии могут реализоваться в конкретном действии. Социальная среда и социальные связи могут способствовать появлению, усилению или ослаблению установок. Также в рамках этого подхода принимаются во внимание факторы, которые упускаются в других дискурсах, например, экономический. Квалифицированная диагностика и помощь психологического или психиатрического характера не всегда доступна выходцам из менее обеспеченных слоев [8], а жертвами школьной травли, которая является общепризнанным фактором формирования установок на совершение данных действий, часто становятся дети из бедных семей или семей мигрантов [1]. Отметим, что при этом дифференцирующее влияние фактора территориальной специфики до настоящего времени оставалось за пределами внимания и исследователей – социологов.

Так как проблема скулшутинга для отечественных социологов остается относительно новой, то они уделяют всё возрастающее внимание феномену скулшутинга и как отдельного явления, но чаще помещают его в контекст более крупных социальных проблем – криминологии, проблем молодежи, школьного насилия и т.п. В. Плотников и С. Самойлов, сделав обзор отечественных публикаций, относящихся к проблематике скулшутинга, приходят к двум основным выводам. Во-первых, по большей части, проблема затрагивается в публикациях лишь контекстуально, «из более чем ста публикаций на деле проблемам скулшутинга посвящены лишь шестнадцать» [9, с. 166], а во-вторых, учитывая всю важность проблемы, даже более чем ста, недостаточно. В нашей работе мы ставили цель подойти к проблеме скулшутинга с более широких позиций, учитывающих социокультурный и поселенческий контексты. В частности, одной из задач являлось рассмотрение скулшутинга (по существу, финального этапа развития процесса отрицания тех или иных сторон повседневной жизни до тотального отрицания жизни как таковой) в контексте особенностей социокультурной организации среды обитания подростков. Скулшутинг воспринимается нами, в том числе, и как территориально обусловленное явление, осознание источников, мер преодоления и профилактики которого важно и необходимо также и в отношении сохранения ресурсов и повышения потенциала развития территории.

И.Л. Сизова [10] даёт обзор социолого-теоретических подходов к осмыслению проблемы насилия в школе, главным образом опираясь на концепцию аномии. Аномия возникает как следствие разрывов между структурно-предписанными целями и доступными для акторов средствами достижения целей, между требованиями школы как социального института и проблемным характером функционирования самого института. Заметное место в обзоре занимают и различные субкультурные теории, причем подчеркивается, что значительную роль в том, будет ли индивид использовать насилие для решения социальных проблем, занимает научение, а оно возможно в условиях длительного контакта индивида с опытом насилия [10, с. 377]. В статье 2016 г. И. Сизова приводит данные социологического исследования, проведённого среди нижегородских школьников 5–11 классов. Автор отмечает, что по результатам регрессионного анализа наиболее значимыми факторами распространения насилия в школе выступают «увлечение учеников просмотром контента эротического и порнографического характера; опыт насилия в семье; потребление запрещенных веществ; низкий самоконтроль поведения; низкая мотивация к посещению школы; низкая самооценка» [11, с. 191].

Отметим, что исследование И. Сизовой было выполнено по немецкой анкете, что демонстрирует тенденцию отечественных ученых осваивать международный опыт исследований насилия в школе. Другими примерами могут служить обзор Н. Бурдыкиной о проблемах насилия в современной школе в Германии [12], сравнительное исследование В. Собкиным и А. Мкртычаном роли социокультурных факторов в формировании отношения к экстремизму среди школьников Москвы и Риги [13] и ряд других работ как социокультурной, так и криминологической направленности. Н. Бурдыкина отмечает, что немецкие коллеги рассматривают проблему школьного насилия не только как психолого-педагогическую, но и как серьёзную социальную. К наиболее распространённым причинам школьного насилия они относят неблагоприятную атмосферу в семье и унижение ребенка взрослыми; влияние молодежных субкультур отрицательной направленности на поведение ребенка; демонстрацию агрессии в СМИ; присутствие учеников-мигрантов в классе [12, с. 54].

В. Собкин и А. Мкртычан, исследуя отношение школьников Москвы и Риги (русских и латышей отдельно) к экстремизму, отмечают несколько любопытных закономерностей социокультурного характера. Проведя факторный анализ мнений подростков, относящих себя к членам экстремистских организаций, исследователи делают следующие выводы. Во-первых, если москвичей, причисляющих себя к экстремистским организациям, отличает ско-

рее политическая аномия, то для рижан скорее важны дополнительные идеологические мотивировки насилия. Во-вторых, если москвичи и латыши ориентированы на активное участие в буллинге, то русские рижане скорее разделяют взгляды сочувствия жертве, что авторы склонны объяснять особенностями положения национального меньшинства. Наконец, для русских рижан характерна обострённая реакция на внешнюю социальную угрозу. В контексте нашего исследования важным выводом представляется то, что социокультурные различия могут служить существенным фактором, определяющим особенности насильственного поведения [13, с. 39].

Статья Д. Давыдова и К. Хломова [14] представляет собой прекрасный обзор широкого круга зарубежных исследований подходов и теорий феномена скулшутинга, выполненный в основном на американском материале. Хотя авторы и ставят себе целью «выделение социально-психологических условий и личностных особенностей» [14, с. 64] скулшутеров, а не социокультурной специфики, статья даёт богатый материал для анализа. Интересно авторское сравнение практических подходов к предотвращению скулшутинга в США и Европе. Если в США предотвращением подобного рода преступлений занимаются в основном полицейские структуры и спецслужбы, то в Европе акцент делается на социальные службы.

Д. Давыдов и К. Хломов отмечают в ряде зарубежных источников критику того, что зачастую эпизоды скулшутинга описываются и анализируются как отдельные явления. Соглашаясь с такой критикой, они сами закономерно стремятся к цельному и системному восприятию. Авторы выделяют признаки, специфичные для скулшутинга как отдельного феномена: одномоментность и несерийность, всё совершается как единая акция; отсутствие строгой целенаправленности причинения вреда, преступник атакует жертв, которые изначально не входили в список его целей, даже если этот список существовал; насилие имеет символический, коммуникативный и даже ритуальный характер [14, с. 64–65].

Далее авторы выделяют три больших подхода к исследованию скулшутинга [14, с. 65]:

1. Поиск факторов риска, когда на основе анализа случаев атак на школы исследователи пытаются построить различного рода редукционистские модели, имея генеральной целью предсказать следующую атаку;

2. Применение психопатологических теорий с целью объяснения поведения преступников через ту или иную психическую патологию; заметим, что этот подход авторы (и не только они) считают наименее плодотворным. А. Карпова и Н. Максимова, например, полагают, что «де-факто в зарубежном исследовательском поле вопрос о психопатологии скулшутеров снят с повестки дня практически десятилетие назад» [15, с. 94];

3. Обращение к социально-психологическим, социологическим и социокультурным теориям. Здесь исследуются культурные и гендерные стереотипы, роль школьного окружения и буллинга, роль насилия в медиа и играх и т.д.

Д. Давыдов и К. Хломов приводят ряд статистических данных из различных исследований, весьма однозначно характеризующих некоторые аспекты личности скулшутеров. Так, 81 % нападений были совершены одиночками, типичный возраст нападавших от 13 до 19 лет, 61 % стрелков имел диагноз «депрессия», отраженный в медицинских документах, наконец, более 80 % из них испытывали на себе групповую травлю, более 70 % характеризовали себя как жертв издевательств или преследований. При этом идеологические мотивации, такие, как «белое превосходство» или религиозный фундаментализм, как отмечают Д. Давыдов и К. Хломов, выглядят менее убедительными, так же, как и компьютерные игры со сценами агрессии: только 15 % стрелков имели выраженный интерес к ним [14, с. 66–68].

Отдельно стоит отметить такой частый и характерный аспект скулшутинга, как сообщения о предстоящей акции, оставляемые стрелками. Они являются, как правило, частью комплекса непосредственных признаков готовности к нападению, большинство скулшутеров (81 %) накануне нападения сообщали кому-то о своих намерениях [14, с. 69]. Можно предположить, что этими объяснениями могут служить либо церемониальная и мистериальная мотивация атаки, либо отчаянный призыв о помощи в ситуации, когда привычные социальные связи разрушены.

Тем не менее, приведя такие данные, авторы склонны согласиться с мнением зарубежных исследователей, что единой модели скулшутинга и скулшутера не существует.

Меры профилактики скулшутинга можно разделить на несколько групп.

К первой группе можно отнести непосредственные действия правоохранительных органов, которые направлены на выявление потенциальных преступников путем мониторинга социальных сетей. При всей важности данной работы стоит отметить, что она уже подразумевает наличие установки скулшутера на действие и в связи с этим можно говорить о профилактике как о предотвращении преступления.

Вторую группу составляют меры по профилактике на уровне психологов и психиатров. Эти меры направлены на выявление ауто- и гетероагрессивных тенденций личности и позволяют выявить и при должной оперативности реагирования предотвратить преступление. Данная работа также безусловно важна и необходима, но и здесь существенное ограничение состоит в обращении к уже сформировавшейся установке, только еще не оформившейся в конкретные действия.

Третью группу можно обозначить как работу с социально неблагополучными детьми. Здесь меры профилактики формируются, исходя из того, что корни явления скулшутинга связаны напрямую с семьей и ближайшим окружением (или его отсутствием) потенциального стрелка.

Не подвергая сомнению важность сложившихся направлений и практик профилактики рассматриваемого негативного явления, мы хотели бы высказать ряд замечаний.

Первое: не все социально неблагополучные подростки становятся скулшутерами и не все скулшутеры были социально неблагополучны (по формальным критериям). Второе: спектр социального неблагополучия довольно широк и связан с культурой общества в плане установления критериев этого неблагополучия (как на официальном, так и на повседневном уровне). Меры по профилактике социального неблагополучия не могут в полной мере способствовать профилактике собственно скулшутинга. Наконец, из практически реализуемых схем профилактики скулшутинга выпадают меры, связанные с социокультурным уровнем.

Между тем, развитие социокультурных пространств территорий, тем более, выстраивание их для определенных целей (например, трансформация городской среды в целях придания ей большей комфортности – как ее понимают разработчики соответствующих проектов и программ) может порождать незапланированные эффекты. Они могут быть связаны как со сложностью организации этого пространства, субъективностью учёта или, напротив, отрицания (не всегда осознанных и вербализованных) интересов и запросов подростков при его формировании, так и с его, пространства, взаимосвязанностью с локальными факторами, формирующими картину мира подростков.

Существенно, что социокультурная среда задает контексты социального действия, которые включают в себя как осознанные, активные, явные, так и латентные формы влияния на сознание индивида. В связи с этим профилактика на социокультурном уровне воздействия, в том числе, посредством партисипативного вовлечения рассматриваемой социальной группы по меньшей мере в процесс проектирования ее изменений, позволит снизить общий уровень предрасположенности к ауто- и гетероагрессивным действиям, крайними проявлениями которых являются скулшутинг.

Исходя из вышеизложенного, представляется существенно важным изучение функционирования культуры, молодежной и подростковой в частности, в разных городских средах. Для этого следует обратиться к изучению восприятия школьниками, проживающими в разных типах поселений, среды их существования. Для нас особенный интерес в дан-

ном контексте представляет социокультурная среда малого города.

Малые города, несмотря на естественные различия, имеют между собой много общего и представляют собой особую социальную среду. Рассматривая ее как предмет анализа в рамках настоящего исследования, следует отметить важные особенности и характеристики, мало проявленные, в частности, в крупных городах и областных центрах.

К ее особым чертам, значимым в отношении целей нашего исследования, относятся относительная компактность проживания, отсутствие развитой транспортной инфраструктуры и развитого предложения рабочих мест, высокая плотность социальных связей, постоянный социальный контроль, связанный с постоянным пребыванием каждого в поле зрения знакомых (это, правда, касается в большей степени общего пространства, семейное частное пространство, в первую очередь за счет относительно большого количества частных домов, является достаточно закрытым).

Особую роль играет также и то, что в малом городе намного большим значением обладают родственные социальные связи. В то же время, несмотря на значительные успехи в рамках формирования комфортной городской среды, малые города зачастую недостаточно благоустроены, рынки труда относительно статичны и городская среда в целом предлагает (если предлагает) большей частью эфемерные перспективы восходящей мобильности.

Культурное потребление в малых городах отличается особой спецификой: местные источники культуры не обладают достаточным разнообразием, что отчасти компенсируется в современных условиях распространением интернета, в котором каждый может найти то, что ему больше подходит. В итоге мы наблюдаем среду, которая, с одной стороны способствует единообразию, с другой – хотя и позволяет актуализировать индивидуальные склонности, но только в дистанционном режиме. Кроме того, такой тип культурного потребления может способствовать развитию установок на то, что подросток воспринимает себя несправедливо обделенным – всё интересное происходит «где-то», жизненные перспективы тоже находятся «где-то», но никак не в его родном городе. Ощущение безысходности и бесперспективности, характерное для целой социальной группы, делает ее питательной средой для распространения радикальных идей, которые могут быть связаны с причинением вреда и себе, и другим, предельным случаем чего является такой феномен, как суицид.

Таким образом, в малых городах устойчиво функционирует особое социальное пространство, в котором процессы социализации, формирования установок подростков обладают важной для нашего исследования спецификой.

Это подводит нас к заключению о территориальной обусловленности формирования агрессивных тенденций, крайним проявлением которых становится суицид, чему до сих пор не уделялось должное внимание, также, как и о необходимости большего внимания исследователей и практиков к данному феномену. Все аспекты, выделенные нами вслед за другими исследователями, являются сферами жизни индивида, которые не только переплетены в индивидуальных судьбах, но и, разворачиваясь в процессе проживания, локализованы в едином физическом пространстве. Это пространство, таким образом, являясь объективной средой формирования и реализации его личности, оказывается одновременно результатом ценностных, поведенческих и иных выборов, совершаемых представителями социальной группы, в пределах которой в основном воспроизводятся индивидуальные риски и эпизоды суицида. Представляется несомненным, что указанное обстоятельство – неотъемлемый фактор, подлежащий рассмотрению при формировании стратегий территориального развития и реализующих их управленческих и иных практик.

Литература:

1. Судьин С.А., Карасев П.К. Профилактика суицида как управленческая задача: кейс Нижегородской области // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2023. – № 1(69). – С. 88–93.
2. Соколов Е.С. Игры, которые нас убивают: видеоигры и насилие в дискурсе российской печатной прессы // Социология власти. 2020. – № 3. – С. 165–188.
3. Баева Л.В. «Группы смерти» и «колумбайн-сообщества» в онлайн-культуре и реальном социуме // Информационное общество. – 2020. – № 3. – С. 33–42.
4. Лангман П. Почему дети убивают: что происходит в голове у школьного стрелка / Пер. с англ. С.А. Карпова. – М.: Эксмо, 2022. – 304 с.
5. Гусев С.Н. Детерминанты совершения актов суицида // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2022. – № 3 (62). – С. 15–21.

6. Енгальчев В.Ф., Ахмедшин Р.Л., Ахмедшина Н.В. Психолого-криминалистический анализ случая массового убийства: психологический профиль Галявиева И.Р. // Вестник Томского государственного университета. – 2022. – № 475. – С. 206–214.
7. Берарди Ф. Новые герои: массовые убийцы и самоубийцы. – М.: Кучково поле, 2016. – 318 с.
8. Завьялова Н.Ю., Лункашу Ю.В. Скулшутинг как нравственная и юридическая проблема в российском обществе // Общество и право. – 2021. – № 3 (77). – С. 117–122.
9. Плотников В.В., Самойлов С.Ф. Проблема скулшутинга (колумбайна) в российской науке // Общество и право. – 2021. – № 2 (76). – С. 163–168.
10. Сизова И.Л. Социологическая теория о причинах насилия в школе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2012. – № 6 (1). – С. 374–380.
11. Сизова И.Л. Социокультурные факторы эскалации насилия в российской школе // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. – 2016. – № 2. – С. 185–192.
12. Бурдыкина Н.Н. Проблема насилия в современной школе Германии // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2018. – Т. 7. – № 4 (25). – С. 52–55.
13. Собкин В.С., Мкртычан А.А. Роль социокультурных факторов в формировании отношения к экстремизму среди школьников Москвы и Риги. // Национальный психологический журнал. – 2013. – № 10(2). – С. 32–40.
14. Давыдов Д.Г., Хломов К.Д. Массовые убийства в образовательных учреждениях: механизмы, причины, профилактика // Национальный психологический журнал. – 2018. – № 4 (32). – С. 62–76.
15. Карпова А.Ю., Максимова Н.Г. Скулшутинг в России: что имеет значение? // Власть. – 2021. – № 1. – С. 93–108.

The Problem of Sociocultural Foundations of Schoolshooting: a Sketch of the Problem Field

Shangin N.V.

*Nizhny Novgorod Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod*

*Soldatkin A.E., Teodorovich M.L., Patokina N.N.
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod*

The article contains a comparative review of a broad spectrum of existing approaches to the problem of schoolshooting. It is stated that the problem of schoolshooting requires a broader approach from sociological positions taking into account sociocultural and residential contexts. It is argued that the analysis of schoolshooting need to address the issues of sociocultural organization of young people's social habitat. We consider schoolshooting also as an important threatening factor in the context of territorial development.

Key words: schoolshooting, factors of schoolshooting, psychological and social foundations of schoolshooting, social and spatial environment of teenagers

